

Леонид Фрицман

Остроумный
Основьяненко

Харьков
«ФОЛИО»
2019

КВИТКА И ХАРЬКОВ

Вместо введения

«Остроумным Основьяненко» назвал Квитку Белинский. Обычно остроумным считают человека, который острит, образными словами и выражениями стремится вызвать смех окружающих. Но литературный спутник и в немалой мере единомышленник Квитки В. И. Даль в своем прославленном словаре определял «остроумие» как «остроту ума». Если Квитка-комедиограф, автор таких произведений, как «Сватанье на Гончаровке» и «Шельменко-денщик», преимущественно веселил и поднимал настроение, то проза писателя остроумна именно в далевском смысле этого слова. А «острота ума» у Квитки — это острота видения народной жизни, живой, неподдельный народный юмор — качества, которые зримо роднят Квитку с Гоголем.

Наша книга — о прозе Г. Ф. Квитки-Основьяненко, что обусловлено двумя причинами. Во-первых, тем, кто Квитка давно и заслуженно признан основоположником украинской прозы. Во-вторых, тем, что именно прозаическое творчество сделало его значительным участником не только украинского, но и русского литературного процесса. По-русски он написал оба своих романа, все статьи по истории Украины и Харькова, а «малороссийские повести» сам переводил на русский язык.

Ни один русский или украинский писатель так не связан своей судьбой и творчеством с Харьковом, как Квитка. В Харькове он родился, здесь написал все, что написал, здесь покоится его прах. Он любил Харьков сыновней любовью и не просто описывал, а воспевал его, восхищался и гордился им. Однако в наше время он странным образом выпал из внимания исследователей: последняя монография о нем, принадлежащая перу С. Д. Зубкова, появилась более 35 лет тому назад, притом Квитке посвящена лишь первая ее половина, вторая — Е. Гребинке, а то, что писалось о нем в 1960—1970-е гг., безнадежно устарело.

В долгу у Квитки не только наука, но и его родной город. Полностью разделяю чувства, выраженные в статье моего коллеги, профессора М. Ф. Гетманца, статью которого, недавно опубликованную в газете «Время», воспринял как крик души: «Хотя патриотическая деятельность и художественное творчество Квитки-Основьяненка всегда вызывали всенародный интерес, Харьков не только не создал ему достойного памятника, но и не проявил заботы о сохранности его усадьбы, в которой до Второй мировой войны был мемориальный музей. Сейчас в центре города есть небольшая улица его имени и на ней скромный памятник в жанре «погруддя», установленный в 1977 году к 200-летию со дня рождения писателя. Наш славный земляк заслуживает того, чтобы стоять во весь рост в самом центре города в компании со своими героями, в которых так ярко и выразительно отражены черты украинского национального характера».

Статья, из которой взята эта цитата, называется «Памятник кому должен стоять на главной площади Харькова?», и пафос ее в том, что это должен быть памятник Квитке. Полностью разделяя высказанные чувства и приводимые доводы, опасаясь, что предлагаемое решение не у всех вызовет поддержку. Многие скажут — и не без основания — что Квитка не занимает сегодня в духовном мире харьковчан такого места, которое бы его оправдывало, места, сопоставимого с тем, которое занимает Штраус в сердцах жителей Вены или Гете у жителей Веймара. Но кто виноват в этом? Квитка? Нет, здесь наша вина, нам и надлежит позаботиться о том, чтобы ее искупить. Посильный вклад в это стремился внести и автор лежащей перед вами книги.

Квитка в ней впервые предстает не только как выдающийся беллетрист, но и как вдумчивый историк и страстный певец Харькова и Слобожанщины. Изображаемый им мир — это Харьковщина с ее народными типами, обычаями и даже топонимикой. Мы стремимся отдать должное малоизвестным, редко издававшимся и в сущности полузабытым статьям писателя. Ведь без них представление о Квитке было бы не только неполным, но и ущербным.

Намерением ввести сегодняшнего читателя в мир Квитки обусловлена и представительная подборка иллюстраций, на которых он увидит и Харьков времен Квитки, и снимки зданий, связанных с его биографией, и картины украинских художников, тематически связанные с сюжетами произведений Квитки.

Работая над этой книгой, я не только познавал Квитку как писателя и историка, но и проникался каким-то трудно выразимым ощущением духовного родства с ним. За несколько десятилетий, прожитых Квиткой в Харькове, город неузнаваемо изменился. Квитка жадно следил за этими изменениями и реагировал на них не просто заинтересованно, но страстно. И я невольно сопоставляю то, как менялся Харьков при жизни Квитки, с тем, что происходило на собственном моем веку.

Как и Квитка, я в Харькове родился и прожил всю жизнь. Всегда любил поездки, исколесил немало городов и стран, но никогда и никуда не помышлял переселиться. Самые душевные ощущения, на какие я способен, я испытывал, когда возвращался домой.

Я хорошо помню довоенный Харьков, в котором единственным городским видом транспорта был трамвай, машин встречалось немного, а телеги, запряженные лошадьми, разъезжали даже по центру города, граница которого проходила вблизи Госпрома. Нынешняя улица Культуры называлась Барачная, потому что была застроена бараками.

Между ХЭМЗом и Тракторным заводом еще в 50-е годы пролегла степь, и трамвай, который полз по этой степи, выглядел, как кораблик, пересекающий океан. Как с такого кораблика не видно берегов, так из окон этого трамвая не видно было конца степи. Я не умею описать перемены, произошедшие в нашем городе, так искусно и вдохновенно, как описал Квитка перемены, произошедшие на его глазах, но пережитое мной самим помогает мне лучше понять его чувства, тот неподдельный восторг, который вызывал в его душе любимый город.

Я не верю в то, что патриотизм воспитывают, его впитывают с молоком матери, его укрепляют происходящие события и деяния людей. Квитка восхищался Харьковом, вовсе не собираясь на кого-то воздействовать, кого-то чему-то учить. Он пробуждает в нас то, что живет в наших душах, он помогает нам полнее познать самих себя, этим он нам и дорог. Квитка был человеком своего времени, а мы взращены другой эпохой, и не может он быть близок нам всеми своими ощущениями и воззрениями. Но есть что-то, которое всегда будет нас сближать. Это что-то — Харьков.

Глава первая

НАЧАЛО ПУТИ

Григорий Федорович Квитка родился 18 (29) ноября 1778 г. в семье богатого украинского помещика, потомка легендарного основателя Харькова Андрея Квитки. Он был отпрыском старинного казацко-старшинского рода. Известно, что летом 1709 г. один из его предков, Г. С. Квитка, принимал в своем доме Петра I, а когда в 1772 г. украинская шляхта была указом Екатерины II приравнена к русскому дворянству, Квитки получили дворянский титул.

Отец будущего писателя был владельцем села Основа, которому обязан своим происхождением наиболее известный из его псевдонимов. Этим псевдонимом он, можно сказать, прославил свою «малую родину». Когда в 1861 г. в С.-Петербурге стал издаваться журнал на малорусском языке, ему было дано название «Основа» в честь родины Квитки, закрепленной в его прославленном псевдониме. Считается, впрочем, что в названии журнала был отчасти и символический смысл. В наши дни в Харькове существует издательство «Основа», и вряд ли можно счесть случайным тот факт, что его главный редактор, профессор Харьковского национального педагогического университета К. Ю. Голобородько является также деканом факультета, носящего имя Г. Ф. Квитки-Основьяненко.

Федор Квитка был человеком просвещенным, принимал у себя прославленного «странника» Г. С. Сковороду, чьи произведения члены его семьи знали на память и любили декламировать. Он содействовал открытию в 1805 г. Харьковского университета, которому оказывал материальную поддержку.

Памятным событием раннего детства будущего писателя стало «чудесное исцеление» от слепоты, произошедшее в шестилетнем возрасте во время молитвы в Озерной пустыни. Благодарная мать взяла с ребенка обет, что он год пробудет послушником в монастыре. Но послушнические обязанности юноша исполнял без всякого рвения, охотнее проводя время на балах и танцевальных вечерах. На протя-

жении всей последующей жизни религиозность Квитки была весьма умеренной. Бога он в своих произведениях поминал на каждом шагу, но исполнение заветов Всевышнего на деле означало для него соответствие требованиям порядочности и народной морали.

Систематического образования юный Григорий не получил. Как отметил хорошо с ним знакомый О. Корсун, «он сам себя образовал»¹. «Недостаток классического образования и знания иностранных языков, — свидетельствовал в своих воспоминаниях Н. Костомаров, — он заменял здравым умом и любовью к чтению. Он постоянно с юношеским пылом следил за движением русской литературы, особенно непереводаемой»². Это подтверждается обширным репертуаром имен, упоминаемых в произведениях и письмах Квитки, среди которых мы видим имена как русских писателей (Ломоносов, Сумароков, Новиков, Княжнин, Фонвизин, Капнист, Карамзин, Жуковский, Крылов, Пушкин, Гоголь), так и западноевропейских (Данте, Сервантес, Мольер, Мильтон, Вольтер, Руссо, Мюссе, Коцебу, Дюма, Гюго, Бальзак, Ламартин, Сю).

Сам Квитка позднее, в 1839 г., так писал об этом П. А. Плетневу, с которым у него сложились теплые и доверительные отношения: «Я и родился в то время, когда образование не шло далеко, да и место не доставляло к тому удобств; притом же болезни с детства, желание не быть в свете, а быть может, и беспечность и леность, свойственные тогдашнему возрасту, — все это было причиною, что я не радел о будущем и уклонялся даже от того, что было под рукою и чему мог бы научиться»³. Можно согласиться, что некоторые самооценки: «С таковыми познаниями писатели “не бывают”», «Вы теперь видите, что я непроизвольно, нечаянно, неумышленно попал в писаки» и т. п. — вызваны чрезмерной скромностью, но искренность сделанных в этом письме признаний не подлежит сомнению.

По обычаям того времени одиннадцати лет он был записан вахмистром в лейб-гвардии конный полк, произведен в капитаны и числился при армии до 1797 г., чтобы затем расстаться с ней навсегда. Военная карьера манила его так же мало, как церковная, и прав был один из его биографов, отметивший как характерную особенность его

¹ Русский архив. — 1890. — Кн. 3. — С. 210.

² Цит по: Данилевский Г. П. Украинская старина: материалы для истории украинской литературы и народного образования. — Харьков, 1866. — С. 232.

³ *Квитка-Основ'яненко Г. Ф.* Твори у восьми томах. — Т. 8. — К: Дніпро, 1970. — С. 140.

нрава то, что «писатель всегда вынужден был пребывать в “чужом монастыре” со “своим уставом”: в кругу провинциальных чиновников сатирические произведения Квитки навлекали на него неудовольствие и начальства, и сослуживцев»¹.

Общественная деятельность занимала заметное место в жизни молодого Квитки. Когда Россия готовилась к войне с Наполеоном, его выбрали провиантским комиссаром народного ополчения, и он проявил такие организаторские данные, что вскоре стал секретарем уездного дворянства, а позднее на протяжении двенадцати лет пребывал в должности уездного предводителя дворянства, на которой снискал репутацию честного и бескорыстного деятеля: защищал селянскую «громаду», пресекал издевательства помещиков над прислугой, помогал малограмотным мужикам разбираться в законах, защищал их в ходе судебных процессов, следил за проведением рекрутских наборов. Опыт тех лет немало пригодился ему в писательской деятельности.

Позднее ему довелось быть и председателем Харьковской палаты уголовного суда, и членом товарищества наук при Харьковском университете, и членом-корреспондентом статистического отдела министерства внутренних дел. Одной из главных своих обязанностей он считал добиваться человеческого отношения помещиков к своим крепостным. Архивы губернских депутатских собраний зафиксировали многочисленные случаи, когда Квитка, откликаясь на жалобы крестьян, выезжал на места происшествий и принимал меры для обуздания помещичьего своеволия. И постоянно его честность и верность высоким моральным устоям навлекали на него бесконечные и злобные нападки, как он выражался, «толстопузых журналов» и «кривые толки окружающих».

В нем всегда жил неуёмный просветитель: он содействовал становлению «основянского театра», в котором с сезона 1808/1809 был «сочленом» дирекции и актером, а с 1812-го по 1816 год — директором; инициатором создания «Благотворительного общества», которое в свою очередь основало Институт для образования беднейших благородных девиц, публичную библиотеку. Кстати сказать, в театре, руководимом Квиткой, начинал свою карьеру основоположник сценического искусства в России М. С. Щепкин, причем именно Квитка угадал то амплу, которое принесло ему наиболее громкую славу. Он

¹ *Мещеряков В. П.* Лукавый летописец поместного быта // Квитка-Основьяненко Г. Ф. Проза. — М.: Сов. Россия, 1990. — С. 4.

сказал: «Эх, брат Щепкин! играй в комедиях: из твоих фижм и министерства постоянно выглядывают мольеровские Жокрисы!»¹

А институту благородных девиц, который был в то время единственным учебным заведением на Украине, в котором могли обучаться женщины, он, по свидетельству И. Срезневского, пожертвовал «почти весь достаток свой»². По словам его первого биографа Г. П. Данилевского, «где возникало что-нибудь новое и нужно было дать толчок, являлся Основьяненко»³.

Случилось так, что создание этого института сыграло первостепенную роль в судьбе самого Квитки. Приехавшая туда из Петербурга классная дама, бывшая на двадцать с лишним лет моложе его, вышла за него замуж и осчастливила его, по собственным его словам, на всю жизнь. Как пишет его биограф, «это была знаменитая и почтенная Анна Григорьевна, которой имя так часто встречается в “посвящениях повестей” ее мужа, которая принимала участие во всех заботах и трудах нашего автора, лелеяла жизнь его, выслушивала и поправляла его сочинения, смотрела на его литературную судьбу, как на свою собственную, на его сочинения, как на что-то сверхъестественное, и когда не стало на свете ее старого друга, она бросила свет и с нетерпением ждала минуты, когда могла за ним сойти в могилу»⁴.

¹ Цит. по: *Данилевский Г. П.* Украинская старина. — С. 188. Нельзя не вспомнить, что Щепкин подтвердил безошибочность этого отзыва в числе прочего и блистательным исполнением главной роли в лучшей из комедий самого Квитки «Шельменко-денщик». Он избрал ее для своего бенефиса в Большом театре 30 февраля 1842 г. и тем в немалой степени содействовал ее признанию и будущей популярности. Рецензент этого спектакли откликнулся на него так: «Я видел г. Щепкина в роли Шельменко-денщика и скажу, что выше этой игры вообразить ничего нельзя. Актера не было; это был живой, из полка, денщик, малороссиянин и прежний писарь. Какое удивительное и вместе натуральное разнообразие (которого в других ролях недостает иногда г. Щепкину); как он говорил с помещиком, офицером, со служкою, один! Что за поразительные своей верностью движения. Вы видите Шельменка не в эту только минуту, но вся жизнь его перед вами: вы знаете, сколько получил он палок за свою выправку, а этот дьявольский ум, которому не достаёт только поприща пошире — бесподобно! Бесподобно! Слава артисту!» (NN. Два слова о бенефисе г. Щепкина // Москвитянин. — 1842. — № 3 — С. 285).

² Там же. — С. 191.

³ Там же. — С. 186.

⁴ Там же. — С. 193.

СОДЕРЖАНИЕ

КВИТКА И ХАРЬКОВ	3
Глава первая	
НАЧАЛО ПУТИ	6
Глава вторая	
МАЛОРОССИЙСКИЕ ПОВЕСТИ	27
Глава третья	
«ПАН ХАЛЯВСКИЙ»	100
Глава четвертая	
ПОХОЖДЕНИЯ СТОЛБИКОВА	122
Глава пятая	
ИСТОРИК УКРАИНЫ, ИСТОРИК ХАРЬКОВА	149
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ	183